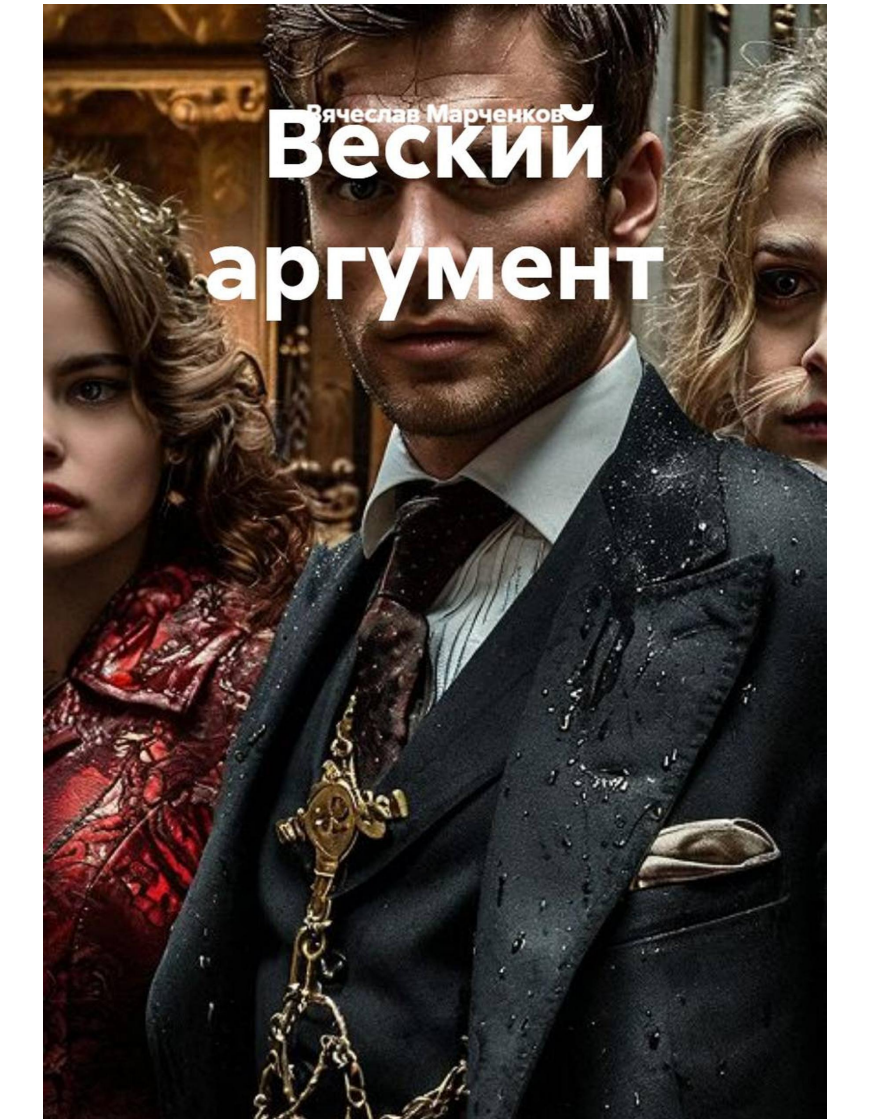

Вячеслав Марченков

Веский аргумент

A movie poster featuring a man in a dark, wet suit with a gold chain, flanked by two women in ornate period clothing. The background is a rich, golden interior.

Вячеслав Марченков

Веский аргумент

<https://litres.ru/74391504>

SelfPub; 2026

Аннотация

Богатого предпринимателя, после юбилейного мероприятия, находят мёртвым в собственном доме. Из сейфа, ключ от которого всегда висел на шее убитого, похищены все ценности. Подозрение в этом преступлении ложится на семью покойного. Но спустя некоторое время происходят ещё два убийства, которые не вписываются в ход следствия и наследник хозяина дома собирает доказательства вины другого человека..

Содержание

Пролог	4
Глава первая	8
Глава вторая	15
Глава третья	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Вячеслав Марченков

Веский аргумент

Пролог

Как только Адам и Ева в Эдемском саду вкусили запретный плод, тонкая грань между светом и тьмой в человеческой душе треснула — и сквозь эту трещину хлынули страсти, словно ядовитый сок из надломленной ветви. То, что поначалу казалось лишь порывом любопытства, обернулось бездной, в которую с тех пор неумолимо скатывалось каждое поколение. «Желание» само по себе стало проклятием, жадной обладать всем ради власти, ради превосходства над ближним.

С тех пор жадность перестала быть просто желанием большего — она превратилась в ненасытного зверя, который с каждым утолённым голодом лишь разрастается. Человек начал мерить мир не мерой добра и милосердия, а мерой того, что можно взять, присвоить, удержать силой или хитростью. Золото и земли, титулы и привилегии, даже чужие судьбы — всё становилось предметом торга, добычи, завоевания. И чем больше он брал, тем сильнее ощущал пустоту, которую никакое богатство не могло заполнить. Эта пустота, словно чёрная дыра, втягивала в себя и совесть, и память о том, ка-

ким он мог бы быть.

Зависть, как тихий яд, разъедала узы, скреплявшие людей. Брат смотрел на брата и видел не союзника, а соперника; сосед — не друга, а препятствие на пути к желанному. В шепоте зависти рождались интриги, в её ледяном дыхании — холодные расчёты, способные разрушить целые города. Она не требовала громких слов — ей хватало одного взгляда, одной мысли: «Почему у него есть то, чего нет у меня?» И этого было достаточно, чтобы в сердце проросла колючая лоза недоверия, оплетая всё вокруг и удушая ростки добра.

Стремление к власти над себе подобными стало новой религией, где вместо храмов возводились крепости, вместо молитв звучали приказы, а вместо благословений раздавались угрозы. Власть манила не возможностью служить, а возможностью повелевать, диктовать условия, ломать чужую волю, превращая людей в пешки на огромной, кровавой доске истории. И чем выше поднимался тот, кто стремился к ней, тем дальше он оказывался от простого понимания, где истинная сила рождается не из страха, а из доверия, не из подчинения, а из единства. Но этот урок словно выветривался из памяти человечества с каждым новым веком.

Беды следовали за человеком по пятам, как верные, но зловеющие тени. За каждым актом насилия, за каждой попыткой возвыситься за счёт другого неизбежно наступала расплата — не всегда мгновенная, но неотвратимая. Катастрофы, словно горькие плоды посеянного зла, зрели в тишине,

чтобы однажды обрушиться на города и поля, на семьи и народы. Войны вспыхивали, как сухие леса от одной искры алчности, и пожирали целые эпохи, оставляя после себя пепел, руины и вопросы, на которые никто не хотел отвечать.

И всё же, несмотря на эти уроки, человек вновь и вновь возвращался к тому же порогу, где его поджидал соблазн. Казалось, сама память о прошлых страданиях лишь разжигала аппетит к новым завоеваниям: «Мы стали сильнее, мы готовы, мы не повторим ошибок». Но ошибки повторялись, лишь меняя обличье и масштаб. История шла по кругу, каждый раз обещая иной исход, но неизменно возвращаясь к тем же страстям, к тем же слепым порывам, к той же трагедии, разыгранной новыми актёрами на старых подмостках.

В этом круговороте едва уловимо, но настойчиво проби- вался и другой голос — тихий, почти заглушённый грохотом амбиций. Голос тех, кто вопреки всему пытался сохранить в себе искру сострадания, кто видел в другом не средство, а цель, не препятствие, а равного. Их было немного, их слова часто тонули в шуме больших дел и великих замыслов, но именно они напоминали всем, что человек способен не только разрушать, но и исцелять, не только властвовать, но и служить, не только брать, но и отдавать.

Эта борьба между светом и тенью, между порывом к величию и зовом к милосердию, и стала главной драмой человеческой истории. И пока чаша весов колеблется, пока страсть и добродетель оспаривают друг у друга право определять

путь человека, история продолжает свой путь — то в сиянии надежд, то во мраке отчаяния, но всегда с памятью о том первом падении, эхо которого звучит в каждом выборе, в каждом поступке, в каждой судьбе.

Глава первая

Воздух в просторном зале особняка был густым и терпким от аромата дорогих духов, табачного дыма и пряного запаха жареного мяса, словно сама роскошь здесь имела свой особый, почти осязаемый запах. Он оседал на одежде, въедался в ткань штор, смешивался с тёплым запахом воска от свечей, расставленных по периметру зала, и создавал ту самую атмосферу, которую Аркадий Львович Воронцов считал признаком настоящего торжества. Нет! Не просто праздника, а события, о котором будут говорить ещё долго.

Пятидесятилетие Аркадия Львовича отмечали с размахом, достойным не просто бизнесмена, а человека, привыкшего, чтобы о нём говорили. Хрустальные люстры роняли на гостей холодные искры света, отражаясь в полированных поверхностях мебели, в стёклах витрин, в золочёных рамах картин и даже в глазах тех, кто пришёл разделить этот вечер с хозяином. Свет дробился, рассыпался бликами по паркету, выложенному сложным узором, и на мгновение казалось, что пол тоже состоит из драгоценных камней.

Среди гостей выделялись дети Аркадия Львовича. Сын Максим, высокий и сдержанный, будто нарочно приглушавший свою природную порывистость рядом с отцом, стоял чуть в стороне, держа в руке бокал с янтарной жидкостью, к которой почти не прикасался. В его взгляде читалось напря-

жение — он словно оценивал каждого, кто подходил к отцу, будто заранее готовился к тому, что придётся кого-то защищать или, наоборот, останавливать. Рядом с ним была его девушка Лиза — тонкая, насторожённая, словно всё время прислушивающаяся к чему-то, чего не слышали остальные. Она то и дело проводила ладонью по рукаву платья, будто пыталась стряхнуть невидимую пыль, и избегала смотреть в сторону, словно боялась наткнуться на знакомый, осуждающий взгляд. Её тревога казалась почти физической, как будто она чувствовала приближение беды задолго до того, как та должна была случиться.

Рядом с ними сидела дочь Наталья, яркая и уверенная, с цепким взглядом, который, казалось, замечал каждую мелочь. Будь то, как дрогнула рука у официанта, как слишком быстро отвернулся один из коллег отца, как брат Максим снова сделал глоток воздуха, будто ему не хватало кислорода. Она держала спину прямо, улыбалась нужным людям, но в её улыбке не было расслабленности, а только голый расчёт. Её парень Кирилл, вечно улыбающийся, но с какой-то затаённой тревогой в уголках глаз, то и дело бросал на неё короткие взгляды, словно проверяя, всё ли с ней в порядке. Он пытался разрядить напряжение шутками, но смех получался натянутым, и никто, кажется, этого не замечал, кроме, естественно, Натальи.

Родные брат и сестра Аркадия Львовича держались чуть в стороне. Лев, брат, был угрюм и молчалив, будто сам факт

торжества вызывал у него лёгкое раздражение. Он то и дело поправлял манжеты, словно пытаясь стряхнуть с себя неуютность, и время от времени бросал короткие, колючие взгляды на друзей своего брата. Сестра Елена, напротив, смеялась слишком громко, слишком часто, будто пыталась заглушить какую-то внутреннюю дрожь. Её смех звучал чуть выше, чем нужно, и иногда обрывался внезапно, словно она сама пугалась собственной громкости.

Ну и конечно, коллеги по работе — люди в дорогих костюмах, с привычкой говорить полушёпотом, будто даже их голоса должны были звучать весомо, — делились историями о сделках, о кризисах, которые удалось обойти, о контрактах, принесших миллионы. В их разговорах сквозила не просто гордость, а почти ритуальное уважение к человеку, сумевшему выстроить целую империю на лизинге коммерческого транспорта. Они говорили о цифрах, о процентах, о том, как Аркадий Львович умел чувствовать рынок, но в их словах чувствовалось и другое — лёгкий холодок зависти, смешанной с опаской: такой успех всегда вызывает не только восхищение, но и вопросы.

Сам Аркадий Львович, раскрасневшийся от вина и всеобщего внимания, всё чаще поднимал бокал, произносил тосты, в которых смешивались благодарность, лёгкая бравада и едва уловимая горечь человека, который слишком хорошо знает цену успеху. Он ходил между гостями, похлопывал кого-то по плечу, кому-то шептал что-то на ухо, и в каждом его

движении чувствовалась власть — не показная, а выстраданная годами жёстких решений. Он любил быть в центре внимания, любил видеть этот блеск в чужих глазах — не столько от драгоценностей, сколько от осознания: вот он, человек, который смог.

А потом, когда ночь стала глубокой, а голоса — хриплыми от смеха и выпитого, он вдруг остановился посреди зала, поднял руку, призывая к тишине, и с хитрой улыбкой произнёс:

— А теперь я покажу вам кое-что, что вы не увидите ни в одном отчёте, ни в одной презентации.

Он поднёс руку к груди и снял с шеи цепочку с ключом — простым, но тяжёлым, с замысловатым узором на бородке. Ключ этот он никогда не снимал, даже в самые жаркие дни, даже в сауне, даже на пляже. Это был не просто ключ — это был символ. Аркадий Львович носил его так давно, что металл слегка потемнел от соприкосновения с кожей, а узор местами стёрся, но для него он оставался таким же ценным, как и в первый день.

Гости потянулись за ним, как стая любопытных птиц, шурша одеждой, перешёптываясь, предвкушая зрелище. Кто-то делал вид, что ему всё равно, но всё равно шёл следом; кто-то пытался скрыть нетерпение за небрежным жестом; а кто-то, как Наталья, шёл с холодной решимостью, будто знала: сейчас произойдёт что-то важное.

Аркадий Львович прошёл к стене, где за массивной кар-

тиной в тяжёлой раме скрывался сейф. Картина — пейзаж с туманными горами — была выбрана не случайно: она отвлекала взгляд, заставляла скользить мимо, не задерживаясь. Поворот ключа, тихий щелчок замка, и дверца распахнулась, обнажая тёмную пасть хранилища.

Внутри лежали сокровища, собранные годами: старинные мечи и секиры, отполированные до зеркального блеска, каждый из которых имел свою историю, рассказанную хозяином не раз; картины, чья ценность измерялась не только деньгами, но и историей, тайнами прежних владельцев, слухами о проклятиях и чудесных спасениях; а в самом центре — бриллианты, сверкающие так, будто в них застыли осколки звёзд, и пачки наличных, туго перетянутые резинками. Свет люстр падал на них, преломлялся, рассыпался тысячами искр, и на мгновение зал словно наполнился магией — или, по крайней мере, иллюзией её.

— Всё это — результат большой работы,

Вымолвил Аркадий Львович, и в его голосе прозвучала не гордость, а какая-то усталая уверенность. Он обвёл взглядом гостей и продолжил:

— Каждый рубль, каждый камень — это сделка, бессонная ночь, риск, который мог всё разрушить. Я не собирал это ради красоты. Я собирал это как доказательство.

Гости восхищённо переглядывались, шептали комплименты, кто-то даже пытался рассмотреть поближе один из мечей, но хозяин лишь усмехался и аккуратно отодвигал их

назад. Он любил быть в центре внимания, любил видеть этот блеск в чужих глазах — не столько от драгоценностей, сколько от осознания: вот он, человек, который смог. Но в этот раз в его взгляде мелькнуло что-то ещё — лёгкая тень сомнения, будто он сам вдруг усомнился в том, стоило ли всё это таких усилий.

Банкет продолжался до самого утра. Вино лилось рекой, смех становился всё громче, а разговоры — всё бессвязнее. Кто-то танцевал, кто-то спорил, кто-то просто сидел, уставившись в одну точку, пытаясь удержать ускользающую реальность. И только Аркадий Львович, казалось, не чувствовал усталости. Он снова и снова подходил к сейфу, открывал его, доставал то один предмет, то другой, словно хотел ещё раз убедиться, что всё это — настоящее. Иногда он останавливался, смотрел на какой-нибудь меч или на пачку денег и будто пытался вспомнить, какой ценой они достались.

А когда первые лучи рассвета робко пробрались сквозь тяжёлые шторы, праздник наконец выдохся. Гости разбрелись по комнатам, а некоторые уснули прямо в креслах приёмного зала. Имение погрузилось в тяжёлую, звенящую тишину, нарушаемую лишь редким шорохом и тихим стоном старого здания — будто оно тоже устало от шума, и теперь отдыхало, набираясь сил для нового дня.

Утром пришла домохозяйка — немолодая женщина с усталыми глазами и привычкой делать всё быстро и аккуратно, чтобы не попадаться никому под руку. Она вошла

в гостиную, привычно окидывая взглядом комнату, чтобы прикинуть, с чего начать уборку: собрать бокалы, стряхнуть крошки с диванов, убрать смятые салфетки. Её движения были отточены годами, и она почти не смотрела по сторонам — только туда, где нужно было навести порядок. И вдруг она замерла.

На полу, у распахнутого сейфа, лежал Аркадий Львович. Его глаза были открыты, но в них не было ни гнева, ни боли — только пустота, холодная и окончательная. Из груди торчал клинок старинного меча — того самого, которым он так гордился накануне. А сейф был пуст. Ни бриллиантов, ни денег, ни даже картин и дорогого оружия — ничего. Только тёмная пустота внутри, словно сама история, которую так любил рассказывать хозяин дома, обернулась против него.

Домохозяйка медленно отступила назад, прижимая ладонь к груди, будто пытаясь удержать сердце, которое вдруг забилося слишком быстро. Она хотела закричать, но голос застрял в горле, и вместо крика вырвался только тихий, сдавленный всхлип. В этот момент тишина дома стала оглушающей — и в ней уже слышался не отдых, а ожидание беды, которая только начиналась.

Глава вторая

Первые минуты после обнаружения тела тянулись невыносимо долго — словно время, устав от бурного праздника, решило взять паузу и застыть в этой жуткой сцене. Домохозяйка, побледнев до синевы, пятилась к двери, не сводя глаз с неподвижной фигуры у сейфа. Её пальцы судорожно сжимали ручку швабры, будто это была единственная опора в мире, который только что перевернулся вверх дном. Пальцы рук побелели от напряжения, а сама швабра слегка дрожала в её руках, выдавая то, насколько сильно трясётся всё её тело.

— Господи... Господи... — шептала она, и голос её дрожал, срываясь на всхлип. — Кто-нибудь... помогите...

Крик разорвал тишину дома, как треск разрываемой ткани. Он прокатился по коридорам, отскочил от высоких потолков, ворвался в спальни и выдернул гостей из тяжёлого, хмельного сна. Из комнат начали появляться люди — сонные, помятые, с отпечатками подушек на лицах, в мятой одежде, кое-как накинутой поверх белья. Кто-то тёр глаза, пытаясь прогнать остатки сна, кто-то зябко кутался в плед, не понимая, что происходит. Но стоило им увидеть картину в гостиной — и сонливость мгновенно слетала, сменяясь оцепенением, а затем — паникой.

Наталья, дочь Аркадия Львовича, первой преодолела оцепенение. Она шагнула вперёд, резко, по-деловому, но в

её движениях чувствовалась дрожь, которую она пыталась скрыть за твёрдостью жестов. Её каблук глухо стукнул по паркету, и этот звук прозвучал в тишине особенно громко, как сигнал к пробуждению.

— Не подходите! — крикнула она, выставив руку, словно защищая остальных от чего-то невидимого. — Не трогайте ничего! Это... это убийство.

Её голос прозвучал твёрже, чем она сама себя чувствовала. Внутри всё сжималось от ужаса, но она знала: сейчас нельзя поддаваться панике. Нужно удержать контроль хотя бы над тем, что ещё можно удержать.

Максим, её брат, стоял чуть поодаль, бледный, с плотно сжатыми губами. Он смотрел на отца, и в его взгляде читалось не столько горе, сколько недоумение — будто он пытался сложить в голове разлетевшиеся кусочки мозаики, и не мог найти нужного фрагмента. Его пальцы слегка подрагивали, и он то и дело сжимал и разжимал кулаки, словно пытался вернуть себе ощущение реальности.

— Кто-то был здесь, пока мы спали,
Отрешённо произнёс он, и словно оправдываясь, добавил:
— Мы все были здесь... и не слышали ни звука. Как такое возможно?

Услышав это, парень его сестры, Натальи, нервно провёл рукой по волосам, взъерошив их ещё сильнее. Обычная улыбка Кирилы исчезла, а вместо неё появилось напряжённое, почти испуганное выражение лица.

— Может, это ограбление? Сейф пуст... Наверное, вор застал его врасплох... — предположил он, но сам будто не верил в собственные слова.

— Тогда почему он убил его именно этим мечом? — возразила Наталья, кивнув на клинок. — Почему не выстрелил, не ударил чем-то незаметным? Это... демонстративно. Это послание.

В этот момент в дверях появился следователь — подтянутый мужчина лет пятидесяти с цепким взглядом и привычкой всё замечать. Его строгий костюм казался неуместным на фоне помятых гостей, а спокойная уверенность в движениях только подчёркивала хаос вокруг. За ним шли эксперты, бесшумно расставлявшие оборудование, фотографировавшие каждый сантиметр комнаты, собирая улики с холодной, почти механической точностью. Один из них аккуратно раскладывал рядом с телом специальные маркеры, другой делал снимки под разными углами, третий замер у сейфа, изучая его поверхность.

Следователь, представившийся Игорем Сергеевичем, окинул взглядом гостиную, задержался на распахнутом сейфе, на теле, на мече, потом перевёл взгляд на собравшихся. Его глаза быстро скользнули по лицам, словно он уже пытался составить в уме психологический портрет каждого и спросил ровным, спокойным голосом, который, казалось, только усиливал создавшееся напряжение:

— Никто не покидал дом после праздника?

Гости переглянулись. Кто-то покачал головой, кто-то пожал плечами, кто-то уставился в пол, избегая взгляда следователя. В комнате стало слышно даже тихое тиканье старинных напольных часов в углу — звук, который раньше никто не замечал.

— Я выходил на террасу подышать, — вдруг подал голос Лев, брат Аркадия Львовича. Он стоял, слегка ссутулившись, и тербил манжету, будто пытаюсь стряхнуть с себя не только неловкость, но и возможные улики.

— Часа в три, наверное. Было душно. Но никого не видел. Дом был тихий.

Продолжил негромко он.

— А вы?

Поинтересовался следователь, повернувшись к Елене, сестре покойного. Отчего, та вздрогнула, будто её окликнули из темноты. Лицо женщины побледнело ещё сильнее, а пальцы нервно стали тербить край шали, которую она накинула на плечи.

— Я... я спала. По крайней мере, мне так кажется. Голова кружилась, я выпила лишнего...

Пробормотала она, опустив глаза. И ещё тише вымолвила:

— Но я ничего не слышала. Честно.

- Хорошо!

Задумчиво протянул Игорь Сергеевич, качнув головой, и сделав пометку в блокноте. Его взгляд скользнул по гостям, задерживаясь на каждом чуть дольше, чем требовалось для

простой вежливости. Казалось, он не просто слушал, а считывал малейшие изменения в мимике, в позе, в том, как человек избегает или, наоборот, ищет его взгляд. После чего, чуть громче обычного, видимо что б все услышали его слова, проговорил:

— Понятно. Пока никто не покидает дом. Нам нужно опросить каждого, проверить телефоны, записи с камер, если они есть. И прошу вас: постарайтесь вспомнить всё, даже самые незначительные детали. Кто с кем разговаривал, кто куда отходил, кто казался напряжённым или, наоборот, слишком весёлым. Любая мелочь может оказаться важной.

Когда следователь отошёл, чтобы поговорить с экспертами, в комнате повисла тяжёлая тишина. Гости перешёптывались, бросая косые взгляды друг на друга. Теперь каждый из них был не просто гостем на юбилее — каждый становился подозреваемым. И в этом новом статусе привычные лица вдруг стали казаться чужими, а знакомые голоса — подозрительными.

Максим подошёл к Наталье, и понизив голос так, чтобы его не слышали остальные, почти прошептал:

— Ты думаешь, это кто-то из своих?

Наталья сжала губы, глядя туда, где ещё недавно стоял отец. Её взгляд был твёрдым, но в глубине глаз читалась боль, которую она не позволяла себе показать. Потому, так же тихо, ответила:

— А кто ещё мог знать про ключ? Про сейф? Про то, что

он будет показывать ценности? Это был его маленький спектакль. Он любил такие вещи. Значит, убийца знал его лучше, чем мы думали.

В этот момент из коридора донёсся голос одного из экспертов — спокойный, профессиональный, но от этого не менее пугающий:

— Игорь Сергеевич, посмотрите сюда. На внутренней стороне дверцы сейфа — отпечаток. Чёткий. И он не совпадает с отпечатками хозяина.

Следователь нахмурился, подошёл ближе, взгляделся в едва заметный след на металле. Его брови сошлись на переносице, а в глазах мелькнуло то самое выражение, которое появляется у людей, когда они понимают: дело гораздо сложнее, чем казалось сначала.

— Значит, кто-то открывал сейф до него. Или после. Но точно не он сам.

Эти слова повисли в воздухе, как тяжёлая завеса. Теперь стало ясно: убийство было не спонтанным. Оно было спланировано. И тот, кто его совершил, находился среди них всю ночь, улыбался, поднимал бокал, делал вид, что радуется вместе со всеми — и ждал своего часа.

Глава третья

В доме воцарилась странная, натянутая тишина — не та уютная, что бывает в пустых комнатах, когда все ушли по делам, а тяжёлая, пропитанная подозрением, словно воздух стал гуще и каждый вдох давался с трудом. Гости, ещё недавно праздновавшие юбилей, теперь держались друг от друга на расстоянии, будто боялись заразиться чужой виной или выдать собственную неловкость одним неосторожным движением. Они рассаживались по углам, избегали встречаться взглядами, а если и переговаривались, то шёпотом, так, чтобы никто посторонний не разобрал слов.

Следователь Игорь Сергеевич методично опрашивал каждого, задавая одни и те же вопросы, но с чуть разными интонациями, ловя малейшие колебания в голосе, паузы, слишком поспешные ответы или, наоборот, неестественно длинные размышления. Он не торопился, не давил, но в его спокойствии чувствовалась стальная хватка человека, привыкшего вытягивать правду даже из тех, кто не собирался её отдавать.

Максим, сын Аркадия Львовича, отвечал сухо, почти рублеными фразами, будто каждое слово приходилось выдирать из себя. Он то и дело поглядывал на сестру, будто искал в её взгляде опору, подтверждение того, что они держатся вместе и не дадут друг друга в обиду. Его пальцы нервно постукивали по колену, но он тут же одёргивал руку, стараясь вы-

глядеть собранным.

— Я не отходил от Лизы почти всю ночь,

Повторил он в третий раз, чуть повысив голос, словно хотел, чтобы его наконец услышали и поверили.

— Только один раз вышел на кухню за водой. Минут на пять, не больше.

Раздражённо добавил Максим. Однако следователь, делая вид, что его интересует только сухая фиксация фактов, словно не заметил его повышенного тона. Не поднимая глаз от блокнота, он спокойно уточнил:

— И никого не встретили?

— Никого. Дом был тихий. Только музыка где-то играла... или это у меня в голове шумело,

Подтвердил молодой человек на секунду прикрыв глаза, будто пытаясь выцепить из памяти хоть какой-то ориентир, который помог бы ему доказать, что он ничего не пропустил.

Наталья держалась увереннее, хотя в её пальцах, сжимавших край стула, тоже чувствовалось напряжение — она так сильно впивалась ногтями в обивку, что на ткани оставались лёгкие вмятины. Её взгляд не дрожал, не бегал по комнате, он был твёрдым, почти вызывающим, будто она заранее готовилась к тому, что ей не поверят.

— Отец был одержим этим сейфом, — говорила она, глядя прямо на следователя, так, что тот невольно задержал руч-

ку над страницей. — Он любил играть на публику. Показывать, что он выше всех этих страхов: налогов, бандитов, проверок. Он считал себя неуязвимым. И эта неуязвимость была его главной слабостью.

Игорь Сергеевич едва заметно приподнял бровь, но ничего не сказал. Только сделал ещё одну пометку, чуть сильнее надавив на бумагу, так что след от стержня остался и на следующем листе.

Следующим, кого допросил следователь, был брат покойного. Мужчина сидел, ссутулившись, и теребил пуговицу на пиджаке, то расстёгивая, то застёгивая её, будто эта мелкая механическая работа помогала ему удерживать себя в реальности. Его лицо было бледным, а под глазами залегли тёмные тени, будто он не спал уже несколько суток.

— Вы ведь понимаете, — пробормотал Лев Львович, не глядя на следователя, а уставившись куда-то в угол комнаты, где тень ложилась особенно густо, — Аркадий всегда был... рискованным. Ввязывался в дела, о которых лучше не говорить вслух. Может, это кто-то из его старых знакомых? Кто-то, кого он когда-то подвёл? Кто-то, кто годами ждал момента, чтобы рассчитаться?

— Возможно, — расплывчато согласился Игорь Сергеевич. — Но сейф был открыт ключом, который Аркадий Львович носил на шее. И отпечаток на дверце не его. Значит, кто-то имел доступ к ключу. Или сумел его снять, пока

хозяин был пьян.

Эти слова повисли в воздухе, как ядовитый туман, медленно расплываясь по комнате и проникая в сознание каждого. Многие из присутствующих невольно коснулись своей шеи, будто проверяя, на месте ли собственные секреты, и тут же отдёргивали руку, стыдясь этого непроизвольного жеста.

Тем временем криминалисты продолжали работать, двигаясь по комнате с той особой сосредоточенностью, которая появляется у людей, привыкших видеть в хаосе систему. Они не обращали внимания на напряжённые взгляды гостей, на шёпот и нервные движения — их интересовали только следы, отпечатки, волокна, капли, всё то, что оставалось после человека, даже когда сам человек старался стереть себя из этой истории.

Один из них подошёл к Игорю Сергеевичу и тихо произнёс, наклонившись к самому уху, чтобы не слышали остальные:

— На рукоятке меча — отпечатки. Частично смазанные, будто убийца пытался стереть их, но торопился или не до конца понимал, как это делается. Но есть один чёткий. Не принадлежит никому из гостей. Ни Максиму, ни Наталье, ни брату, ни сестре, ни кому-либо из коллег.

Следователь нахмурился, но это была не растерянность, а скорее удовлетворение от того, что детали ложились в заранее заготовленную схему.

— Значит, убийца надевал перчатки, а потом специально оставил один отпечаток. Чтобы запутать следы. Или чтобы указать на кого-то конкретного.

Задумчиво отозвался он и отошёл к окну, чтобы скрыть улыбку, едва тронувшую уголки губ. Улыбку человека, который знает, что всё идёт по плану.

В гостиной тем временем разгорался спор, становясь всё громче и резче, будто напряжение, копившееся весь день, наконец нашло выход.

— Это мог быть кто угодно! — резко бросил Лев, впервые подняв голос, и его слова прозвучали в тишине особенно громко, заставив всех вздрогнуть. — Может, в доме был кто-то ещё? Прислуга, охранник, кто-то, кто пробрался через сад? Может, мы просто не хотим видеть очевидного?

Продолжил он, однако Наталья, не сводя с него взгляда, спокойно и твёрдо возразила дяди:

— Охранник был на посту весь вечер. Я сама проверяла. И прислуга ушла до полуночи. Я лично проследила, чтобы все покинули дом. Мне казалось важным, чтобы в этот вечер здесь были только свои.

Максим вдруг поднял голову, словно что-то щёлкнуло в его сознании, и он наконец увидел деталь, которую раньше упускал. Его глаза расширились, а голос стал твёрже, чем раньше.

— А этот следователь... — медленно произнёс он, и все невольно повернулись к нему, чувствуя, что сейчас прозвучит что-то важное. — Он слишком много знает. Слишком точно формулирует вопросы. Откуда он знает про ключ на шее? Про сейф? Отец никому не рассказывал об этом, кроме самых близких. Даже в полиции не было таких данных. Это не могло попасть в официальные отчёты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.